

Глава 17. Старый знакомый из Яньду

— Ну что вы, право, не стоит беспокоить достопочтенного, я недостойн такой чести, — предпринял последнюю попытку отказаться Шуй Угоу.

Гу Симо притворно рассердился. Окаменев лицом, он отчеканил:

— Ты должен приходить чаще.

Шуй Угоу присмотрелся к нему внимательнее и внезапно осознал: глубина и коварство в этих глазах ничем не отличаются от тех, что были у обитателя Мо Чжилия!

— Хорошо... Буду заходить к тебе с докладом, — пробормотал Шуй Угоу, опешив от собственной прямоты.

Гу Симо промолчал, но затем нехотя кивнул:

— Добро. Буду ждать тебя, звездный владыка.

— Не стоит благодарности, это мой долг, — Шуй Угоу вытер выступивший пот. Эти братья — родная кровь, даже угрожают одинаково!

Вернувшись из храма Моцзи, Шуй Угоу не находил себе места. Глядя на полный ящик эликсиров бессмертия и вспоминая холодный, расчетливый нрав обитателя Мо Чжилия, он нахмурился еще сильнее.

Странно. Родные братья, так почему А-Линь предпочел скрываться в Мире Демонов? Гу Симо вовсе не кажется человеком, способным притеснять брата. Неужели А-Линь просто завидует старшему?

От этой мысли Шуй Угоу поежился. А-Линь действительно был завистлив. Возможно, именно из-за того, что Гу Симо был настолько выдающимся, тот и предпочел держаться подальше.

Вздохнув, он внезапно вспомнил, что так и не достиг цели своего визита в храм. Шуй Угоу схватился за голову:

— Шуй Угоу, Шуй Угоу, ну как же можно быть таким забывчивым?

Да и ладно! Я всего лишь скромный звездный владыка Судеб, даже если узнаю, почему имя Гу Симо в Книге Злодеев, что я смогу сделать? Ничего. Не можешь изменить — не лезь!

Он перевернулся на другой бок. В осенние дни его постоянно клонило в сон. В сновидении с небес нисходил белый свет, окутанный влажной дымкой, скрывавшей очертания богини. Шуй

Угоу слышал лишь нежный, глубокий голос, который тихо звал его:

— Угоу.

Цзяньцзя... Цзяньцзя! Каждый раз, когда он пытался разглядеть ее лицо, он просыпался. Мгновение во сне для него растягивалось на годы, и после каждого пробуждения он долго не мог избавиться от тоски.

Лунный свет проникал сквозь пролом в стене, заливая нежно-белым сиянием два ростка Плода Земных Уз. На их молодых листьях, словно утренняя роса, блестели капли влаги.

Шуй Угоу вытер со лба пот, откинул одеяло и, опустившись на корточки перед изящной клумбой, ласково погладил листья.

— Цзяньцзя, я снова видел тебя во сне. А-Линь сказал, что Император Цан вышел из затвора. Завтра я отправлюсь к нему просить Нефрит Призыва Душ. Я обязательно найду тебя, только подожди еще немного.

Взгляд Шуй Угоу был полон печали. Бледный лунный свет падал на его прямой нос, и выдыхаемый им холодный воздух превращался в легкую дымку, оседая крошечными каплями росы на листьях, питая его возлюбленную.

На рассвете Шуй Угоу стоял перед зеркалом, изучая свое отражение. Глубокие глаза под острыми бровями, нарисованные красные стрелки у уголков глаз, распущенные темные волосы — все это придавало его лицу, которому недоставало зрелости, налет суровости. Под черной полупрозрачной накидкой виднелась одежда с узором из цветов хиганбана. Он выглядел как мрачный, старый и хитрый демон.

— Император Цан, пришло время вернуть долг.

Голос Шуй Угоу прозвучал холодно. Брови сдвинулись к переносице, в глазах блеснул лед. Он удовлетворенно усмехнулся и, воспользовавшись прохладой утра, направился к горе Цзиюань, где обитал Император.

Путь был безрадостным: бесконечные горы, лишённые растительности, и вечная пыль. На душе у Шуй Угоу было так же пусто. Он прекрасно помнил, почему Император Цан был сослан на гору Цзиюань — все из-за непутевого сына, натворившего бед.

Впрочем, вспоминая Яньшаня, сына Императора, он не мог не испытывать уважения. Яньшань был его предшественником на посту звездного владыки Судеб. Он славился своей честностью, но, прослужив двадцать тысяч лет, пошел на сделку с демонами ради любви, отдав свою Кость бессмертного в обмен на силу, чтобы изменить судьбу возлюбленной.

Тайное быстро стало явным, вызвав гнев Великого Императора Долголетия. Тот, хоть и не

любил вмешиваться в дела, понимал: Дворцу Тяньфу нужен владыка. Император Цан, отец Яньшаня, униженно просил о милости, найдя козла отпущения, который занял бы место его сына.

Этим козлом отпущения стал Шуй Угоу.

Именно он подбил Яньшаня на нарушение небесных законов, поэтому Император Цан ненавидел его лютой ненавистью, но не мог убить, ведь если Шуй Угоу исчезнет, Яньшаню придется вернуться на службу, а если тот сбежит — пострадает вся семья.

Но Шуй Угоу, став владыкой, не успокоился и потребовал Нефрит Призыва Душ. Разве такую вещь отдают просто так? Последовала битва, в которой оба получили тяжелые ранения. С тех пор Шуй Угоу стал болезненным и перестал лезть в драку по любому поводу.

А Императору Цану повезло меньше — кости его были раздроблены, и он «внезапно» заболел, уйдя в затвор на десять тысяч лет. Теперь, узнав, что он вышел, Шуй Угоу решил нанести визит.

Ветер усилился, поднимая тучи песка. Шуй Угоу воздвиг барьер и, прорвавшись сквозь него, наконец увидел скалу с надписью «Гора Цзиюань».

— Прибыл! — он бодро зашагал по знакомой дороге к логову Императора — Яньду.

Стражи у ворот, увидев демонический облик Шуй Угоу, нахмурились и направили копья:

— Дерзкий демон! Как ты смеешь врываться в Яньду? Это обитель Императора Цана! Если ценишь свою жизнь...

— Ой-ой-ой! Что вы творите! Отпустите меня!

Шуй Угоу не стал слушать их болтовню, схватил одного за шиворот и швырнул в сторону, а затем отвесил пинок другому.

Глядя на корчащихся на земле мальчишек, он покачал головой:

— И правда, провинившиеся. Живут в такой глуши, небось, за десять тысяч лет никто не заглядывал, раз выставили охранять ворота таких доходяг!

Презрительно хмыкнув, он широким шагом направился к воротам Яньду. На арке сидели вороны и каркали, словно насмехаясь над стражей. Шуй Угоу прошел прямо к трехэтажному павильону, построенному на манер человеческих домов. Во дворе играли дети, ростом едва доходившие ему до пояса — должно быть, дети Яньшаня.

— Кто-то идет! — Вау, гости! — Кто это?

Десятки глаз уставились на него. Шуй Угоу пожалел, что не взял подарков. Он пошарил по карманам и, не найдя ничего подходящего, снял с запястья коралловый браслет, который носил десятки тысяч лет, и раздал шестнадцать бусин детям.

— Ваш отец Яньшань дома? — с улыбкой спросил он.

— Угу... А ты кто?

— Я его старый друг.

— Папа!

Дверь отворилась, и вышел статный мужчина. Встретившись взглядом с Шуй Угоу, он рассмеялся:

— Угоу! Ха-ха, какими судьбами?

Яньшань обнял его за плечи и понизил голос:

— Слышал, отец вышел из затвора, и пришел его позлить?

Шуй Угоу, уперев руки в бока, возмутился:

— Что за слова? Почему это я его злю? Он сам тогда полез драться! Я ведь тоже пострадал, до сих пор хвораю!

Яньшань знал, что тот мастер перекладывать вину, и догадывался, зачем он пришел.

— Не трать силы зря, — прошептал он. — Нефрит он тебе не отдаст. Отец сказал: если кто другой придет просить — пусть, но только не ты. Если ты заберешь Нефрит в Море Уван, все души, что там томятся, вырвутся наружу. Будет много бед, так что — нет.

Шуй Угоу призадумался. Он знал, что в Море Уван полно душ, не желающих перерождаться. Возможно, там и Цзяньцзя. Император правда боится за души или просто не хочет помогать?

Он решил действовать силой. Пусть он слаб и не одолеет даже Яньшаня, не говоря об Императоре, но он был упрям, как осел. Не получит Нефрит — не уйдет!

Если во Дворце Тяньфу не будет звездного владыки, Великий Император Долголетия первым придет спросить с Императора Цана! Посмотрим, захочет ли он, чтобы Яньшань снова занял это место.

Решившись, Шуй Угоу запрокинул голову и закричал:

— Император Цан! Это я, Шуй Угоу! Я знаю, что ты вышел! Не прячься! Наша битва десяти тысячелетней давности еще не закончена!

Яньшань не стал его останавливать.

В ответ из дома выскочил старик — седобородый, энергичный, с железным посохом в руках.

— Ты еще смеешь приходить! Я прибью тебя, негодник!

Император бросился в атаку, но Шуй Угоу не стал уклоняться, а спрятался за спину Яньшаня, тут же сменив грозный вид на личину наглого пройдохи:

— Ты же только из затвора! Здоровье поправил? Я ведь из заботы о тебе пришел, а ты, как та собака, не понимаешь добра!

Император махал посохом, но Шуй Угоу ловко уворачивался. Поняв, что не достать, старик остановился, упер руки в бока и закричал:

— Не видать тебе Нефрита как своих ушей! Из-за тебя, щенка, нас сослали в это богом забытое место! Посмотри вокруг, здесь же даже птицы не летают!

Шуй Угоу почувствовал укол совести и вздохнул:

— Император, не сердитесь. Если бы Яньшань хоть слово сказал мне о Цзяньцзя, я бы не натворил таких бед. Теперь, когда дело сделано, гнев вам не поможет.

Император нахмурился, глядя на демонический облик Шуй Угоу:

— Десять тысяч лет служишь владыкой, а все в демоническом обличье? Не боишься, что тебя не примут? Тебе совсем не дорого твое лицо?

Шуй Угоу слегка улыбнулся. После того как Яньшань отдал ему свою Кость бессмертного, он мог скрывать демоническую ауру, но не хотел менять свой вид.

— Я боюсь, что Цзяньцзя не узнает меня. Ей нравилось, как я выгляжу.

От этих слов Император опустил голову и отвернулся. Яньшань похлопал Шуй Угоу по плечу:

— Не вини себя. Нам здесь хорошо, тихо, никто не беспокоит, никакой мирской суеты.

Шуй Угоу поджал губы и последовал за Яньшанем в дом. Внутри было просто и опрятно, как в крестьянской избе: деревянный стол, пара чашек. Бедно, но чисто.

Император, попивая чай, косился на виноватое лицо Шуй Угоу, и в его сердце боролись печаль и смирение. Он снова вздохнул и спросил:

— Угоу, почему бы тебе просто не подождать? Цзяньцзя сказала, что вернется за тобой, зачем ты идешь на такие крайности?

<http://bllate.org/book/19137/1879580>